

ЛЮДМИЛА КАСАТКИНА: «Я СЛЫЛА НЕДОТРОГОЙ...»

— Людмила Ивановна, правда ли, что вы — одна из самых популярных и любимых народом актрис — комплексовали по поводу своей внешности?

— Когда меня утвердили на мою первую кинороль в фильм «Укротительница тигров», я первым делом попросила у режиссера разрешения посмотреть пробку, чтобы увидеть, что я из себя представляю на экране. Увидев, расстроилась страшно. Да и как не расстроиться — маленькая, толстая, неказистая, круглолицая... Во всяком случае, я себе такой показалась. Приехала домой и кинулась к маме: «Мамочка, милая, что же ты натворила?! Зачем ты родила меня такую некрасивую, с таким круглым лицом?!» Она обняла меня, подумала и сказала: «Ничего не поделаешь, деточка, придется тебе твое лицо донашивать...» Ну вот, донашиваю.

— А как вы вообще попали на большой экран?

— После окончания ГИТИСа я стала работать в Театре Советской Армии, где служу и до сих пор. Пробовалась-то я в разные театры, но меня никуда не брали — везде нужны были фактурные, красивые, яркие, а я под эти параметры не подходила. Но тут меня приняли. Директором театра тогда был генерал по фамилии Паша. Он сказал: «Я не вижу в ней особого таланта, но нам в массовках не хватает девочек, так что надо ее взять». И меня взяли на самую маленькую, массовочную зарплату. Но вскоре режиссеры стали приглашать меня в свои спектакли на роли героинь. И вот однажды пришли в театр два режиссера со студии «Ленфильм» на музыкальный спектакль «Стрекоза», где я играла комедийную роль девочки-грузинки. В антракте они мне говорят: «Мы ищем актрису на роль дрессировщицы в фильм «Пять леопардов». В Ленинграде не нашли, приехали искать в Москву. Кажется, вы подходите. Вот вам сценарий». Я говорю: «Что вы, меня не утвердят. Спасибо большое, но я не поеду». «Вы все-таки ознакомьтесь со сценарием», — настаивали они. Я взяла, прочитала и... ошалела. Показала Сереже Колосову, который тогда уже был моим мужем и работал режиссером в Театре сатиры. Он сказал: «Надо соглашаться, уж очень роль тебе подходит». Я подумала: «А если и вправду рискнуть?» Ленфильмовцы договорились с театром, меня отпустили на два дня, и я впервые отправилась в Ленинград на пробы. Кадочников, увидев меня, обрадовался: «Ну вот, нашли наконец. Как она замечательно импровизирует!» Так я была утверждена в фильм «Укротительница тигров» — дело в том, что предполагавшихся по сценарию пяти леопардов не нашлось.

— В клетку с тиграми вы сами заходили или все-таки была дублерша?

— Сама, причем четыре раза — дважды к одному и два раза к четырем тиграм в вольер. Сначала этого не планировалось. Знаменитый дрессировщик Борис Эдер ставил к тиграм свою ассистентку Риту Назарову спиной к камере, и их снимали. Но получалось, что лица главной героини на экране рядом со зверями не было, и тогда меня стали готовить к эпи-

У Людмилы Касаткиной было огромное множество страстных поклонников. В нее были влюблены миллионы зрителей и многие партнеры по кино и театру. При всем этом сама актриса считала себя крайне некрасивой и своей внешности очень стеснялась.

зоду. Подводили к клетке, через прутья торчали лапы тигра, я к нему подходила, что-то пела, поила водичкой, гладила, разговаривала с ним. Так сняли сцены, где я треплю тигра, чешу и быстро выдерживаю руку. И вдруг мне сообщают: «Нам надо снять две сцены, где ваше лицо будет находиться рядом с мордой тигра. Придется вам все-таки войти в клетку». Я в ответ: «Разрешите мне на три дня съездить домой, у меня все равно завтра спектакль». Приехала домой, к своим. Мама потом рассказывала: «Я все удивлялась, что-то ты в те дни была чересчур заботливая, ласковая, как никогда». А я на самом деле не верила, что снова увижу родных. Всерьез боялась за свою жизнь, потому что видела, как две недели назад тигр поранил дрессировщика Костю Константиновского, мужа Риты. Но чего не сдела-

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

«Я никогда не считала свои ножки верхом совершенства, но муж утверждает, что благодаря им он обратил на меня внимание». 1970 г.

ешь ради искусства. Конечно, я входила в клетку и оставалась с тиграми одна. Разумеется, Борис Афанасьевич Эдер, находившийся вне вольера, каждую секунду давал указания мне и команды тиграм, но спокойнее от этого не становилось. Один раз тигр разъярился, поднялся на задние лапы, жутко зарычал, выбил палку из моих рук, стал метаться по вольеру и очень сильно ударил меня хвостом по сапогам — я с трудом удержалась на ногах. В другой раз почти что взбесилась тигрица и стала, оскалив клыки, набрасываться на своих кавалеров — Эдер едва успел меня выхватить из клетки. Зато после первого показа фильма на студии «Ленфильм» Борис Афанасьевич вышел на сцену и заявил: «Многие просят ко мне в ассистенты. А я первый раз в жизни сам предлагаю Людмиле Касаткиной стать дрессировщицей. Потому что у нее есть кураж. Я доверяю ей группу из 11 хищников!» И обращается ко мне: «Ну как, вы согласны?» Я сказала: «Борис Афанасьевич, что мне делать? Я люблю людей

больше, чем зверей». Он говорит: «Как?! Но разве вы не ощутили власть над хищником? Это же самое сильное чувство». Я говорю: «Нет, власть ощутить не успела, только страх». «Как жаль, — сказал он, — а то ваше имя гремело бы на весь мир».

— *Как показала жизнь, отказавшись от столь лестного предложения, вы не прогадали. Люди самых разных поколений до сих пор смеются и рыдают над вашими фильмами. Ведь помимо комедийных ролей вы сыграли и по-настоящему трагические — достаточно вспомнить такие картины, как «Вызываем огонь на себя» и «Помни имя свое».*

— Вот именно, люди плачут, пересматривая эти фильмы. А ведь ни крови, ни поножовщины, ни «чернухи», как теперь говорят, в них нет. Причем, несмотря на жесткость темы, они получились светлыми! Снимал их режиссер, который сам прошел всю войну, получил на ней два ранения, инвалидность. Колосов знает про войну все, потому что не только участвовал в ней, но и потом много лет изучал

массу документальных материалов. Для меня эта тема тоже особенная. Я же встретила войну очень рано и очень тяжело. Мама отвезла меня на лето к бабушке в деревню под Вязьмой. Когда напали немцы, она тут же собралась за мной, но ее не отпускали с работы. Когда немцы уже стояли под Вязьмой, я сказала бабушке: «Бабуля, я попробую сама дойти домой». Бабушка завязала мне в узелок краюху хлеба, кусок сала, проводила до леса, расцеловала со слезами на глазах, перекрестила, и... больше я ее никогда не увидела... Я шла вместе с тысячами беженцев несколько суток. Под бомбежками мы по нескольку часов лежали в болотах, в лесу. На моих глазах гибли женщины и старики, я видела, как матери рвали на себе волосы, рыдая над мертвыми телами погибших детей... К Можайску подошла совсем

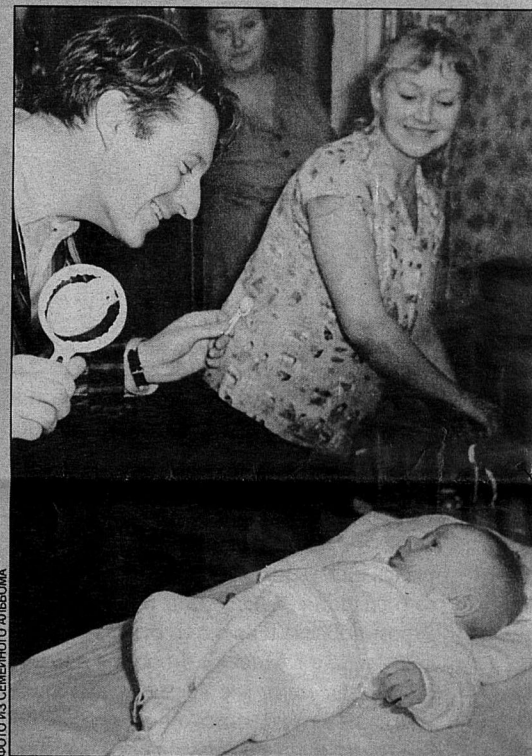

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Людмила Касаткина с мужем Сергеем Колосовым и сыном Алешей. 1958 г.

В фильме «Медовый месяц». 1956 г.

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Сергей Николаевич и Людмила Ивановна с сыном Алексеем, внучкой Анечкой и невесткой Светланой

обессиленная. Ночь была холодная, и я решила постучаться в какое-то окно. Выглянула старушка. Я стала умолять: «Пожалуйста, пустите меня переночевать, я совсем замерзла». Она: «У меня уже полная изба» — и задернула занавеску. И я осталась сидеть на крыльце, прижавшись к ее большой собаке. Так и провела ночь. Утром побрела на вокзал, откуда еще ходили поезда в Москву. В поезд я попасть не смогла, меня все время отпихивали. Уже совсем отчаявшись, присела в каком-то уголке, и тут... наступила самая счастливая минута моей жизни: я увидела маму!!! Она ехала за мной, увидела меня и за-

кричала: «Людочка, детка моя, ты жива!» Через несколько дней мы все-таки как-то влезли в тамбур и двое суток спустя добрались до Москвы.

— *Теперь понятно, почему вы так органичны в образах героинь из военных фильмов.*

— Я всегда стремилась не просто сыграть, а «прожить» судьбу своих героинь. Во время работы над фильмом «Помни имя свое» столько всякого случалось... Мы два с лишним месяца работали в Польше, в бывшем концлагере Освенцим. Снимались на настоящих нарах, в полосатой одежде заключенных, ходили по та-

кой же топи, какая была во время войны, — в грязи ботинки пленных женщин и детей увязали, а вторую пару им не давали... Однажды режиссер нас предупредил, что назавтра назначены съемки эпизода, где эсэсовцы отнимают у женщин их детей. Это самая страшная сцена, я ее жутко боялась. Для того чтобы понять, ощутить, что испытывали те женщины, я все думала: «Вот у меня, у Касаткиной, хотят отнять моего единственного сына Алешу. За что, по какому праву?! Что я сделала людям?!» В этот день я просто не могла уехать в гостиницу и попросила разрешения остаться ночевать там, в Освенциме. Я

бродила по концлагерю, попросила единственного сторожа открыть витрины, за которыми была свалена гора детских башмачков. Стала их рассматривать. Там попадались и почти новые, и совсем стоптанные, с прилипшей кровью, грязью... Я пыталась угадать, из какой страны и кто — мальчик или девочка носили эти босоножки, сандалики, ботиночки, с чьей ножки их сняли, когда гнали детей в газовую камеру... Не заметила, как прошла ночь, только вдруг услышала, как в мегафон кричат: «Людмила Касаткина, на съемку!» Пришла в барак. Все уже лежали на нарах. Я тоже забралась и думала лишь

об одном: «Сейчас придут эсэсовцы и заберут моего мальчика...» Могу сказать только: что было дальше, я не помню вообще. Так переживала... (Плачет.) Извините... После «Помни имя свое» я на нервной почве тяжело заболела. Врачи поставили диагноз — белокровие. Меня отвезли в клинику переливания крови и в течение двух месяцев выхаживали. Низко кланяюсь врачам, которые вернули мне жизнь.

— *А почему вы вообще решили стать артисткой?*

— Однажды в школу, где я училась, пришел хореограф Игорь Дмитриевич Лентовский, искал детей для своего класса. Почему-то отобрал меня, и я стала у него заниматься. Из подвала, в котором жила наша семья, я попала... в настоящий рай. Другие говорили, что там обшарпанные стены, убогая обстановка, все бедненькое, но я этого не замечала. После

школы, порой не успев пообедать, я с восторгом летела в свой хореографический класс, минимум три часа мы занимались станком, потом нам давали легкий ужин и отправляли участвовать в спектаклях — во взрослых и детских балетах и операх. Такой жизнью я жила с 11 до 15 лет, пока на одном из спектаклей не потеряла сознание — истощение, питалась-то плохо. Вызвали «скорую», увезли в больницу. Помню, из больницы папа нес меня, 15-летнюю девочку, на руках. Балет пришлось оставить... Потом я занималась во Дворце пионеров — в оперной студии (у меня обнаружился хороший голос) и в литературном кружке. А потом узнала, что объявлен набор в ГИТИС, который только вернулся из эвакуации, и решила попытаться поступить. Родители отговаривали: «Доченька, ты из рабочей семьи, мы не сможем тебе ничем помочь. И потом, ты ведь некрасивая. А туда берут краси-

вых, высоких. Вон, посмотри, какие они, артистки...» Все же каким-то чудом меня туда зачислили. Когда мне об этом сообщили, я подумала, что сошла с ума. Не помню, как дошла до дома, не помню, как заснула, но помню, что, проснувшись, была твердо уверена в том, что это мне приснилось. Когда пришла мама, я ей сказала: «Я не послушалась вашего совета и ходила поступать в театральный. Но не волнуйтесь, меня не приняли...» Через несколько дней к нам домой заглянули два молодых человека со словами: «А что же не приходишь документы оформлять? Ведь ты зачислена!» Так я стала студенткой, а маме с папой осталось только развести руками.

— *Что за люди были ваши родители?*

— Самые обыкновенные, простые — мама трамвай водила, папа на кондитерской фабрике работал. Но их глубокую порядочность, доброту, щедрость, житей-

скую мудрость невозможно было не оценить. Допустим, мама приготовит пирожки. Казалось бы, что тут такого? Садись и ешь. Так нет, она сначала обойдет с блюдом всех соседок, угостит их и только потом то, что останется, приносит нам. А папа какой! Нас с братом потрясло, что он, с семью классами образования, умел починить все, вплоть до любого оборудования. За ним порой ночью присылали машину, чтобы он наладил какой-то французский станок. Родители были шепетильны во всем — и в возвращении денег, взятых в долг до зарплаты, и в том, что папа, всю жизнь работая на фабрике «Красный Октябрь», никогда не принес нам, своим детям, ни конфетки, хотя все соседи таскали в карманах. А папа приходил с нами в магазин и говорил: «Смотрите, вот это сделано на нашей фабрике». И покупал по сто граммов нескольких сортов конфет — мармеладов, пастилы, кармелек. Шоколад мы не брали, он стоил очень дорого... Однажды, когда я уже стала актрисой, папа попросил меня выступить на своей фабрике. Мы с Зоей Федоровой, чей отец тоже когда-то там работал, приехали с концертом. После выступления нас усадили за стол с самоваром и шоколадными конфетами. И сказали: «Ешьте, сколько сможете». Вот тогда я впервые наелась шоколада, да так, что на всю жизнь его разлюбила.

— *Какова судьба вашего брата?*

— Леонид был очень хорошим слесарем. Своими буквально золотыми руками он, как и папа, умел все наладить, починить. Но с ним случилась беда, он погиб. Мне очень тяжело об этом вспоминать... У него осталась прекрасная дочка Людмила — она живет в Гаване, вышла замуж за кубинца, который учился здесь, в Москве. У них двое роскошных детей — Эдуардо 16 лет, он собирается стать ветеринаром, а Анечке — 11. Жаль только, что они плохо говорят по-русски...

— *Людмила Ивановна, скажите, трудно было вам, воспитанной в строгих тра-*

дициях рабочей семьи, привыкать к разудалой атмосфере студенческой жизни творческого вуза?

— Я слыла недотрогой, меня так и называли. Я действительно бегала и пряталась от парней. А они ко мне все приставали — и ровесники, и те, кто постарше, уже вернувшиеся с войны. Но я думала, что они надо мной смеются, ведь на курсе у нас учились такие красивые девочки.

— Однако молодой, подающий надежды режиссер Сергей Колосов среди всех красавиц все-таки высмотрел вас.

— Я тогда училась на третьем курсе, участвовала в капустнике — танцевала, пела смешные куплеты про шпаргалки. Там-то меня Колосов и заметил. Хотя он утверждает, что сначала увидел мои ножки, когда я сбегала по лестнице. Но я не считала свои ножки верхом совершенства, просто они тренированы балетом, поэтому, может, и произвели на него впечатление. Словом, мы познакомились, и он стал ухаживать. На конфеты у него денег, конечно, не было, но пионы и сирень он таскал мне исправно. Когда наступала пора полного безденежья, привозил ромашки — куда-то ездил за ними. Если мы ссорились и я говорила ему что-то резкое, он присылал записки типа: «Юпитер, ты сердилась, значит, ты не прав», и цветочки вкладывал. Так продолжалось три с половиной года, потом мы поженились.

— Раскройте секрет, как вам удалось, работая в мире кино, полно коварных искушений, сохранить такую образцовую семью с Сергеем Николаевичем Колосовым?

— Это, правда, бывает нечасто, но я же видела отношения моих родителей. Став женой, я рассуждала так: «Если я вдруг изменю мужу или сделаю что-то недостойное за его спиной и над ним начнут смеяться, я никогда себе этого не прощу». Для меня это было свято. И кроме того, судьба свела меня с человеком совершенно поразительным. Его талант, порядочность, умение дарить людям добро и помогать всем и каждому меня просто сражали. Кто только за мной не ухаживал —

Боже, а какие были ухажеры! — я все-таки никого не могла сравнить с ним.

— В чем же его отличие от других мужчин?

— Знаете, однажды, еще в советское время, я это выразила в своем тосте. Я тогда очень много ездила по миру, представляя свои фильмы — посетила 32 страны. С этой же целью как-то оказалась в Финляндии. Мое пребывание совпало со временем проведения второго фестиваля телевизионных фильмов в Монте-Карло. Наша страна послала туда «Укрощение строптивой». Я поехать не могла, потому что перед фестивалем играла премьеру в театре, а на следующий же день меня послали в Финляндию. В нашей «Правде» малюсеньким шрифтом внизу полосы сообщили, что советская актриса Людмила Касаткина получила приз за лучшее исполнение женской роли. Всё. А в Хельсинки в связи с этим президент страны Урхо Кекконен устроил шикарный прием в мою честь. Когда мне в посольстве об этом сказали, я просто растерялась... На приеме мне говорили всякие комплименты, а потом дали слово. И я тогда произнесла: «Очень благодарю вас, господин Кекконен, за то, что, устроив такой праздник, вы оказали честь не только мне, но и моей стране. Но, простите, тост мой все-таки будет за русских мужчин. И я поясню почему. У вас мужчины стремятся к комфортабельной жизни, хотят иметь хорошие машины, особняки, много денег. А наши отличаются другим — умением любить. Вот, например, мой муж. Если у него есть хотя бы один рубль в кармане, он не успокоится, пока не истратит его на меня. Хоть веточку сирени, но обязательно мне принесет. Среди вас есть такие?» — завершила я свое выступление. Когда мои слова перевели, раздался гром аплодисментов. На следующий день финские газеты пестрели заголовками: «Касаткина любит только русских мужчин».

— Сергей Николаевич действительно такой или вы для красного словца так про него сказали?

— Он на самом деле настоящий мужчина. Сережа для меня всегда был святым, ведь для него, кроме работы и семьи, ничего больше не существовало. Иногда я обижалась на него, сердилась за то, что не умеет прибить гвоздь или починить утюг, и со слезами жаловалась маме: «Ну как мне с ним жить, он же ничего не умеет». А мама отвечала: «Детка, не расстраивайся, это ерунда. Это все тебе сделают папа или Леня. Он умеет другое, и это значительно важнее». Что правда, то правда. Ему никогда ничего не нужно для себя, что бы я ему ни купила, он говорит: «Мне не надо, у меня все есть». Зато для меня, наоборот, ему ничего не жалко... Нам всегда очень хорошо вместе, даже Новый год предпочитаем встречать вдвоем, при свечах, как это делали Мазина с Феллини. Джульетта очень любила своего мужа, хотя и знала, что он ей изменял... Вот у меня, к счастью, такого не случалось, Сережа никогда не давал мне поводов для ревности.

— А вас Сергей Николаевич не ревновал?

— Думаю, что нет. А может, и ревновал, но скрывал. Вот я хочу, например, в консерваторию пойти и говорю: «Сережа, ты ведь не можешь, а меня приглашает такой-то. Как ты отнесешься к тому, если я пойду с ним?» Он скажет: «Любка, иди, конечно, только спроси — он тебя потом до дома проводит или мне подыхать и встретить тебя?» Муж всегда мне доверял, и я этим очень дорожила.

— Но ведь не секрет, что в вас был очень сильно влюблен ваш партнер и по «Укрощению строптивой», и по «Медовому месяцу» Павел Кадочников. Неужели муж никак не реагировал на это?

— Я объясняла Сереже: «Я же не виновата, что он за мной ухаживает, везде встречается?» Муж мне на это сказал только одно: «Любочка, ты сама все решишь». А Павлу Петровичу я говорила: «Не надо этого ничего, пожалуйста, не осложняйте жизнь ни себе, ни другим. У вас же есть замечательная Розалия Ивановна...» А Розалия Ивановна, его жена, пришла однажды в павильон и расплакалась. Мне

так горько стало, я к ней подошла и сказала: «Прошу вас, не плачьте, не волнуйтесь. При всех достоинствах Павла Петровича он мне не нужен. У меня есть потрясающий муж, и — запомните — я его никогда не брошу!»

— Кто у вас в семье в большей степени занимался воспитанием сына?

— Мы с Сережей оба очень подолгу бывали на съемках. Я ведь только у Колосова снялась в 12 фильмах. Причем, если «Душечка» и «Укрощение строптивой» — односерийные картины, то многие из его фильмов были многосерийными: «Вызываем огонь на себя» и «Операция «Трест» — по четыре серии, «Радости земные» — шесть, «Диалог» состоял из трех серий, «Раскол» — из девяти... Поэтому Алешей в основном моя мама занималась. У нее всего пять классов образования, но она была очень мудрая. «Лешенька, я видела, ты прочитал книгу, расскажи мне ее», — просила она. И где бы они ни были, Леша всегда пересказывал ей книги, таким образом лучше их усваивая и запоминая. А Леша, со своей стороны, часто говорил: «Бабуся, начинается музыкальная передача, посиди вместе со мной, послушай музыку». И мама слушала, открывая для себя новый мир.

— Ваш сын до сих пор так же увлечен музыкой?

— Алексей — музыкант и композитор, он пишет песни, музыку к фильмам, создал свой блюзовый ансамбль «Аура». Сейчас осваивает новую для себя роль — стал инициатором и арт-директором «Российско-норвежского джазового фестиваля», который уже во второй раз будет проходить в московском Доме музыки и на который придут самые лучшие музыканты. В прошлом году он прошел очень успешно, и теперь я с нетерпением жду 22 октября — дня открытия нынешнего фестиваля. Я очень люблю джаз и блюзы...

— С подачи сына?

— Конечно. Если бы я не ходила с ним на концерты, то никогда так не пристрастилась бы. А теперь эта музыка-импровизация на меня очень сильно действует, она заставляет размышлять, переживать, в джазе есть все — настроение, чувство, обязательно капля грусти... А два блюза, представьте, сын посвятил мне.

— Откуда у Алексея такое пристрастие к джазу?

— Он в юности постоянно слушал английскую радиостанцию, где после 12 ночи транслировались передачи, посвященные джазу. Когда решил поступать в музыкальное училище, мы с отцом его разубеждали: «Лешка, жизнь музыкантов непредсказуема, кто знает, как у тебя все сложится. Надо сначала окончить университет, а потом видно будет». И Лешенька поступил на факультет журналистики в МГУ, на отделение радио и ТВ. Но, учась на третьем курсе, все-таки стал держать экзамен в Гнесинское училище. Был зачислен и окончил его почти параллельно с университетом. Так и стал профессиональным музыкантом — гитаристом, он играет на акустической и электрогитаре.

Одновременно вот уже 15 лет сын ведет авторские передачи о блюзе и джазе.

— *Семьей Алексей успел обзавестись или он весь погружен в музыку?*

— Успел, даже дважды. Его старшей дочке уже 20 лет, она учится в Юридическом институте МВД. Люся сразу сказала, что артисткой не станет никогда. Иной раз спрашивает у меня: «Люсечка, а знаешь ли ты, когда в России была созвана первая Дума? А членов первой Думы знаешь?» «Не помню», — говорю. «Боже, как же много мне нужно тебе рассказывать»... А вот младшей, Анечке, мои гены передались. Во-первых, девочка удивительно похожа на меня, а во-вторых, она очень музыкальная — с папой поет дуэтом, прекрасно танцует. Заявила твердо: «Я буду, как Люля, артисткой». Наверняка будет.

— *Интересно, как вы думаете, современную молодежь могут увлечь фильмы вашей молодости?*

— Знаете, до недавнего времени я думала, что нет. Но совершенно неожиданно получила замечательный комплимент. Пробегаю мимо меня на улице мальчонка лет тринадцати, вдруг останавливается и говорит: «Здравствуйте, Людмила Касаткина!» «Здравствуй, дружок, — отвечаю. И тут же спрашиваю: — А откуда ты знаешь, как меня зовут? Ты же должен только Шварценеггера и Сталлоне знать». «Нет, — говорит, — не только. Вчера вот по телику показывали классный фильм — «Медовый месяц», вы там во как (подняв большой палец) играете! Мне очень понравилось!» И побежал по своим делам... Я от счастья буквально засветилась. Значит, молодое поколение все-таки смотрит старые фильмы... Да, те картины — простые, незатейливые, но они были трогательными, дарили людям надежду, желание жить, любить. Добрые были фильмы. Дай Бог, чтобы их помнили.

— *Скажите, а Бог для вас понятие абстрактное или конкретное?*

— В какой-то стране еще при советском строе меня спросили: «Вы коммунистка?» Я ответила: «Нет, ни одного дня не состояла в партии». «Значит, вы верующий человек?» «Безусловно, — сказала я, — только я не ортодоксально верующая. Мой бог — это моя совесть. Когда она меня покинет, меня покинет и Бог».

Татьяна ЗАЙЦЕВА

«Моя внучка Анечка часто говорит:
«Я буду, как Люля, артисткой»

МИХАИЛ КЛОБОВ